

358.72

Б-14

ГЕРОИ
БЕЛИККОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

С.М.Багдасарьян

Санитары

Наркомздрав СССР
Медгиз 1942

47678

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. М. БАГДАСАРЬЯН

Военврач I ранга

355.72

Б 14

42628
Δ
42628
✓
ПРОВЕРЕН
1942
САНИТАРЫ

ПРОВЕРЕН

Чкаловская
областная библиотека
читальня № _____

НАРКОМЗДРАВ СССР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «МЕДГИЗ»
МОСКВА 1942

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

3525

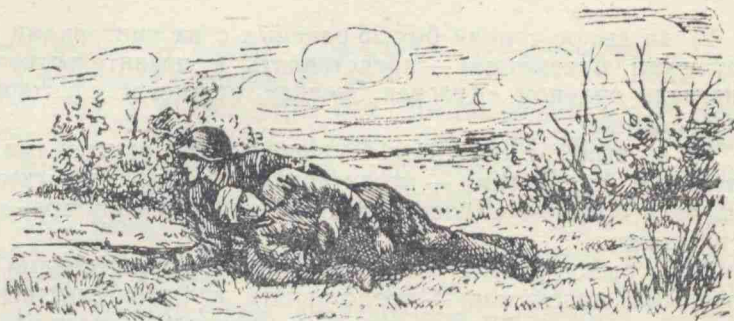
C. M. BARNARD

1900

CHAS. BARNARD

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
CHICAGO, ILL.
1900

ПРИКАЗ СТАЛИНА

23 августа 1941 года в полках, ротах, эскадронах, батареях, в каждой части Красной Армии на фронте и в тылу читали переданный по телеграфу приказ народного комиссара обороны Союза ССР товарища Сталина.

Приказ гласил:

О ПОРЯДКЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЕ ВОЕННЫХ САНИТАРОВ И НОСИЛЬЩИКОВ ЗА ХОРОШУЮ БОЕВУЮ РАБОТУ

Для поощрения боевой работы военных санитаров и носильщиков ввести следующие представления о награждении:

1) за вынос с поля боя 15 раненых с их винтовками или ручными пулеметами — представлять к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» или «За отвагу» каждого санитаря и носильщика;

2) за вынос с поля боя 25 раненых с их винтовками или ручными пулеметами — представлять к правительственной награде орденом «Красная Звезда» каждого санитар и носильщика;

3) за вынос с поля боя 40 раненых с их винтовками или ручными пулеметами — представлять к правительственной награде орденом «Красное Знамя» каждого санитар и носильщика;

4) за вынос с поля боя 80 раненых с их винтовками или ручными пулеметами — представлять к правительственной награде орденом Ленина каждого санитар и носильщика.

Командирам и комиссарам дивизий представлять в Наркомат обороны военных санитаров и носильщиков к правительственным наградам в соответствии с этим приказом.

Приказ ввести в действие по телеграфу.

Народный комиссар обороны И. Сталин».

Этот приказ — новое замечательное выражение неустанной сталинской заботы о человеке, о воине — защитнике нашей родины.

Санитары и санитары-носильщики, выполняя свою почетную работу спасения раненых бойцов и командиров Красной Армии, работают поистине самоотверженно. Героями-санитарами по праву гордится наша страна. Приказ Сталина воодушевил их на новые подвиги.

Ниже мы расскажем об этих подвигах санитаров и санитаров-носильщиков на полях великой отечественной войны.

Здесь товарищ Сталин написал о нас, о санитарах

22 июня 1941 года миллионы советских людей, затаив дыхание, слушали по радио спокойную, полную достоинства и мужества, речь Вячеслава Михайловича Молотова,

выступавшего от имени советского правительства и его главы товарища Сталина.

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города».

Весть о неслыханном, вероломном нападении немецких фашистов на Страну Советов зажгла сердца советских патриотов негодованием, воспламенила желанием встать грудью за родину, за честь, за свободу.

Призыв правительства к сплоченности, организованности и самоотверженности поднял весь народ на священную отечественную войну.

По всей стране на многолюдных митингах загремели грозные речи:

— Смерть фашистским захватчикам! Каждую нашу фабрику, каждый завод, каждый колхоз превратим в грозную крепость! Наше дело правое, победа будет за нами!

На одном из таких митингов в колхозном клубе присутствовал комбайнер Василий Захарович Шокин. Лицо его было сосредоточенным. Внимательно слушал он выступавших товарищей, клявшихся до последнего вздоха защищать от фашистских захватчиков завоевания Великого Октября.

Когда митинг закончился, Василий Захарович сказал своему товарищу:

— За свой комбайн я спокоен. Смену я себе подготовил. Девчата хорошие, вполне справятся и без меня.

Через несколько дней Василий Захарович, призванный в ряды доблестной Красной Армии, явился в военкомат. Здесь многие, как и он, ждали назначения в действующую армию.

Когда Василий Захарович был уже определен в Н-скую стрелковую часть, командир сказал ему.

— Ну, товарищ Шокин, вы назначаетесь санитаром.

Шокину это показалось несколько обидным. Он думал быть танкистом, пулеметчиком, управлять бронемашинной, а тут — назначение в тыловую часть. Но он был дисциплинированным человеком и ни слова не сказал командиру.

Шли дни. Наши славные войска мужественно сражались с яростно наседавшим врагом.

Санитар Шокин день и ночь двигался со своей частью. Под руководством фельдшеров и санитарных инструкторов он научился оказывать первую помощь, маскироваться на местности, быстро и умело выносить раненых из-под огня.

Только теперь на личном опыте Шокин понял, насколько ошибочным было его представление о работе санитаря, о работе медицинского персонала на фронте.

По рассказам он знал, что в других армиях, как и прежде в армии царской России, санитаров действительно можно было считать тыловиками: на передовых позициях они работали только ночью и в перерывах между боями.

— Нет, в Красной Армии не то, — решил Василий Захарович. — Здесь санитар, как и боец-пехотинец, артиллерист, связист и другие, на поле боя выполняет свою боевую задачу.

Как-то в прохладное августовское утро к Шокину полком подобрался один из его товарищей — санитар Гончаров. Глаза у него блестели. Он сунул Шокину в руки свежий номер «Правды» и возбужденно сказал:

— Читай! Здесь товарищ Сталин написал о нас, о санитарях.

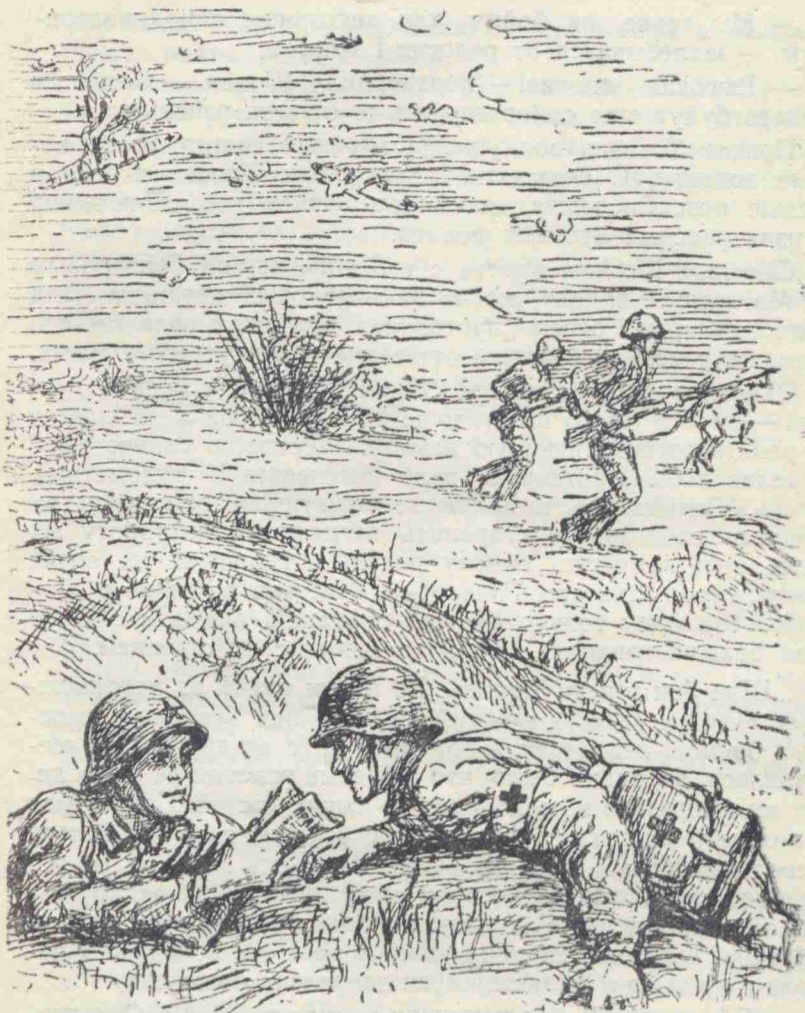
Это был приказ Сталина.

Василий Шокин внимательно изучал четкие и ясные строчки приказа. Гончаров выжидающе смотрел на посветлевшие глаза Шокина.

— Ты понимаешь, что это значит? — взволнованно проговорил Шокин, аккуратно сложив газету.

— Здорово! — перебил его порывистый Гончаров.

— Это значит, — продолжал Шокин, — что вынос с поля боя раненых — подвиг, геройство! Так думает наш Сталин.

... Здесь товарищ Сталин написал о нас, о санитарях.

— Мы такие же бойцы, как пехотинцы или кавалеристы, — захлебывался от радости Гончаров.

— Высокая оценка! — подтвердил Шокин. — Санитары теперь будут еще самоотверженнее спасать раненых.

Приказ Сталина воодушевил военных санитаров на новые подвиги. С беззаветной храбростью бросались они в самые опасные места, спасая вверенные их попечению жизни раненых красных воинов.

Санитара Шокина вместе с его товарищами Гончаровым и Матвеевым видели всегда на передовых позициях. Под ожесточенным огнем противника они оказывали первую помощь раненым, бережно оттаскивая их в укрытые места.

Однажды часть санитаров Шокина получила боевой приказ — во что бы то ни стало выбить противника из окопов и занять господствующую высоту. Местность сильно простреливалась. Противник вел интенсивный пулеметный огонь. Специально выделенные «кукушки» охотились за нашими санитарями, старались затруднить их работу на поле боя, помешать выносу раненых. Невзирая на опасность, герои-санитары Гончаров и Матвеев во главе с Шокиным за одну только боевую операцию вынесли с поля боя больше тридцати тяжело раненых с их оружием.

...Шли бои у реки Черынь. Во время одной из напряженных схваток Шокин заметил на поле боя несколько раненых бойцов, лежавших неподалеку друг от друга. Они шевелились, но видно было, что тяжелые ранения не позволяли им выбраться в расположение наших частей. Переползая от одного к другому, Шокин быстро перевязал их. Теперь перед ним встала трудная задача — укрыть раненых от непрекращавшегося вражеского огня. Искусно маскируясь, он оттащил двоих в большую воронку от снаряда и, не обращая внимания на усилившийся обстрел, осторожно пополз с третьим к видневшемуся невдалеке оврагу.

— Эй, санитар! — услышал он откуда-то сбоку. Оглядевшись, Шокин увидел двух ползших к нему красноармейцев.

Это были санитары-носильщики, прибывшие с полкового пункта медицинской помощи.

Обрадовавшись поддержке, Шокин передал свою ношу в надежные руки и снова ползком направился к оставшимся под обстрелом раненым. Совсем близко разорвался вражеский снаряд. Шокина засыпало землей. Инстинктивно ощутив себя, он убедился, что остался невредим, лишь сильная боль в голове свидетельствовала о контузии.

Густой дым клубился над зелеными кустами орешника, пыль подымалась облаком. Не было видно ни ближайших холмов с белыми березками, ни далекого синего леса, ни мельницы с испуганно растопыренными крыльями.

— Хорошая стенка! — мелькнула мысль в голове Шокина. — Лучшей маскировки нарочно не придумаешь...

Вскочив на ноги, санитар помчался к раненым. Оттащив в кусты раненого красноармейца и возвращаясь за другим, Шокин посматривал на дым и пыль и торопился, чтобы успеть перетащить всех трех бойцов, пока ещё не развеялась пыль, не поредела дымовая завеса.

— Точка! — облегченно вздохнул он, когда последний раненый лежал рядом с другими спасенными и тут же лежало и их оружие.

Дым плыл к березкам, мельница приветствовала Шокина, подняв вверх крылья, синеватый лесок одобрительно смотрел на бесстрашного героя-санитара, спасшего боевых товарищей в смертоносном огне и дыме, в самом пекле боя.

Жизнь комиссара спасена...

Батальон шел в наступление. Противник окопался невдалеке от переправы, около селения Житки, и вел ожесточенный пулеметный и минометный огонь. Изредка то справа, то слева рвались снаряды. Бойцы двигались вперед перебежками, ползком. Нужно было во что бы то ни стало преодолеть открытую поляну и штыковой атакой выбить противника из окопов.

Бойцов вел в атаку комиссар полка, старший политрук Дымов. Он был всегда среди бойцов, воспитывая в них смелость, хладнокровие, инициативу, презрение к смерти и готовность биться до последнего вздоха со смертельным врагом нашей родины. Его любили бойцы, командиры, политработники, санитары — все, кто сталкивался с ним.

Вражеская пуля ранила комиссара в руку. Быстро наложив себе повязку, он, ободряя бойцов, продолжал вести их вперед.

Вторая пуля пронзила Дымову плечо. Рана была опасной. Теперь уже не обойтись одной перевязкой: комиссар истек кровью. Он опустился на землю за пригорком.

...Санитар Москвин ползком следовал за бойцами, зорко следя за полем боя. Он сразу увидел, что ранило старшего политрука. Фашисты простреливали местность с трех сторон. Но опасность не смущала Москвина. Он думал лишь об одном: нужно спасти комиссара.

Нелегко было преодолеть два десятка шагов, отделявших его от раненого. Каждый метр давался с большим трудом; в одном месте нужно было окопаться, в другом — переждать огонь, обойти участок стороной. Всячески стараясь не обнаружить себя и раненого комиссара, Москвин полз на получетвереньках. Вот он уже совсем близко.

— Иду, иду, товарищ комиссар! — крикнул он.

Дымов слышал Москвина, но настолько ослаб, что не смог ответить. В это время фашисты заметили санитаря и стали его обстреливать. Распластавшись на земле, Москвин отполз в сторону и, используя складки местности, незаметно приблизился к Дымову.

Состояние раненого было тяжелым. Кровотечение усиливалось. Прежде чем наложить повязку на рану, нужно было остановить кровь. Но как это сделать? Поднять голову нельзя, — враг следит за каждым движением на поле боя. Санитар быстро достал из сумки матерчатый жгут и тщательно закрепил его выше места ранения. Вскрыв индивидуальный перевязочный пакет, он наложил на рану повяз-

Иду, иду, товарищ комиссар!—крикнул он.

ку. Но это было не все. Предстояла более трудная работа — оттащить раненого в укрытое место.

Состояние тяжело раненого Дымова резко ухудшалось. Он терял сознание. Нужно было быстро вынести его из-под огня противника и эвакуировать на ближайший медицинский пункт. Лес — надежная защита — был на расстоянии пятидесяти метров. Фашистские снайперы охотились за нашими ранеными, за санитарями, оказывавшими раненым первую помощь. Нужно было обмануть врага, обходными путями выбраться в укрытие.

О ранении комиссара узнали санитары Ермаков и Фурсов. Они быстро поползли в сторону Дымова.

— Нужна помощь? — спросил Ермаков.

— Нужна-то, нужна, — ответил Москвин, — но все же вы не двигайтесь в мою сторону: противник заметит. Ползите вон за тот бугор, а я оттащу туда комиссара.

Стараясь не причинить боли раненому, Москвин дополз с ним до бугра. Медленно, не обнаруживая себя, санитары на руках понесли комиссара. Небольшое возвышение и кустарник сильно помогли им. Теперь можно было двигаться быстрее. Уложив Дымова на плащ-палатку, санитары внесли его в лес. Здесь они быстро соорудили из жердей и плащ-палатки носилки и, поместив на них раненого, продолжали путь.

На полковом медицинском пункте врач оказал Дымову необходимую помощь. Жизнь комиссара была спасена...

Санитар Москвин пользуется большой любовью среди бойцов. Много жизней он спас на поле боя. Для него нет трудностей: где бы ни был раненый, на каком бы расстоянии от противника он ни находился, Москвин пробирается к нему, оказывает первую помощь, оттаскивает в безопасное место.

— Санитар Москвин — настоящий герой, — выразил общее мнение красноармеец Н. — Ведь он вынес с поля боя более пятидесяти раненых и их оружие! Какой герой!

Большевик Михалько

До вероломного нападения фашистов на нашу страну Петр Михайлович Михалько работал у себя в колхозе в Черниговской области.

Началась священная отечественная война советского народа против гитлеровских людоедов, грабителей и насильников. На защиту родины поднялись все национальности, объединенные великим Советским Союзом. Мир не видел еще такого сплочения народных сил в едином порыве отстоять свою честь и независимость. По зову любимого вождя грудью встала Красная Армия на кровавом пути диких фашистских полчищ, а в тылу у врага кипящей волной народного гнева разлилось грозное партизанское движение. Вчерашние колхозники, агрономы, учителя, инженеры, рабочие, встав под ружье, ушли в угрюмые леса. Эти мужественные советские люди стойко переносят лишения, голод, холод, ежеминутно смотрят в глаза смерти; их страстное желание — бить, уничтожать лютого врага, не давать ему покоя на советской земле, всеми силами помогать героической Красной Армии громить подлых оккупантов.

Большевик Михалько с первых дней великой отечественной войны стал в боевые ряды санитаров Красной Армии.

Ответственна и почетна роль санитаров. Это они, санитары, осуществляют сталинскую заботу о раненых на поле боя. Это они, санитары, вырывают из кровавых лап фашистских зверей сотни и тысячи драгоценных советских жизней.

Петр Михалько гордится тем, что он находится в рядах санитаров, работа которых так высоко оценена товарищем Сталиным.

Передвигаясь с бойцами своего подразделения, он, не задумываясь, рискует жизнью, оказывая под огнем противника первую помощь раненым, оттаскивая их в защищенные места.

Однажды пулеметная рота, которой командовал политрук

Кривицкий, выдвинулась вперед, чтобы уничтожить правый фланг противника. Санитар Михалько ни на шаг не отставал от пулеметчиков. Враг вел сильный огонь из минометов. Зорко присматриваясь к местности, Михалько заметил, как политрук Кривицкий во время перебежки взмахнул рукой и упал ничком. Очевидно, он был ранен. Несмотря на ураганный обстрел, отважный санитар ползком добрался до раненого, оттащил его в укрытое место и быстро, и умело перевязал.

В другой раз Михалько узнал, что семь раненых красноармейцев лежат в окопе-сарая. В это время по приказу командования часть, в которой служит Михалько, стала отходить на другие позиции.

Бойцы и командиры, выполняя боевую задачу и зная Михалько, были спокойны за жизнь своих товарищей — раненых красноармейцев.

И действительно, несмотря на то, что положение создавалось исключительно тяжелое, большевик Михалько с честью выполнил свой долг. Хотя ему и грозила опасность оказаться во вражеском окружении, он, взяв себе на помощь санитара-носильщика, все же сумел вынести раненых бойцов в расположение нашей части.

За время боевых действий герой-санитар Михалько вынес с поля боя около сорока раненых бойцов и командиров с их оружием.

Его знает каждый боец, командир и политработник

Санитара Фисенко, Семена Ивановича, знают все бойцы, командиры и политработники Н-ского батальона. Общительный, веселый, он неизменно сопровождает своих товарищей — бойцов и командиров — в боях с немецко-фашистскими полчищами.

В суровых лесах, на просторах равнин, ночью и днем невозмутимо выполняет он свою работу — часто под ура-

ганным огнем врага, с огромным риском для своей жизни. Не было еще случая, чтобы фашисты помешали Фисенко оказать первую помощь раненому бойцу, во-время вынести его с поля боя.

Бойцы видят каждый шаг своего отважного санитаря, они видят, как, прилагая всю свою изобретательность, он преодолевает множество трудностей. Вынести раненого с поля боя — не простое дело. Нужно все время наблюдать за противником, уметь пользоваться местностью, защищая и раненого, и себя; наконец, при переноске нужно оберегать раненого от лишних страданий, не причинять ему боли, не ухудшать его состояния.

Умело наложенная на поле боя первичная повязка, своевременный вынос раненого из-под огня противника зачастую решают исход дальнейшего лечения и помогают быстрому возвращению бойца в строй.

Работу Фисенко высоко ценит командир санитарного взвода Н-ского полка военфельдшер Матюшев. С особенной охотой обучал он способного санитаря, как работать на поле боя.

— Приближаться к раненому нужно скрытно, — говорил он, внимательно слушавшему его, Фисенко. — Все время нужно следить за противником, пользоваться складками местности, маскироваться. Если враг усиливает огонь, следует переждать, обойти обстреливаемый участок. Надо следить, чтобы повязка не спадала, чтобы раненая конечность была в покойном состоянии.

Во время боя санитар Фисенко наблюдает за всеми бойцами. Он не только оказывает первую помощь раненым и выносит их с поля боя, но и не оставляет врагу ни одной винтовки, ни одного пулемета, ни одного противогаса.

В дни ожесточенных боев с фашистами санитар Фисенко вынес с поля боя сорок пять раненых с их винтовками и двоих с ручными пулеметами.

Понятно, с каким волнением читал Фисенко приказ

Сталина, доставленный ему на поле боя командиром санитарного взвода Матюшевым.

Прошел день, другой... Фисенко опять на поле сражения. С еще большей отвагой и мужеством выполняет он свои почетные обязанности. За короткий промежуток времени он снова вынес из-под обстрела четырнадцать раненых с их оружием.

Когда у м. Высоток часть, в которой служит т. Фисенко, пошла в наступление, тяжело ранило в руку и ногу командира батальона. Открыто подойти к нему было невозможно: противник, расположившись в лесу, вел ураганный артиллерийский и минометный огонь. Фисенко вызвал к себе своих товарищей Бурухина, Крылова и Замошкина. Посоветовавшись, санитары с разных сторон поползли к раненому командиру. Путь был короткий, но только начинали санитары ползти, как взрывы снарядов и мин мutilи белый свет, парализовали их движения.

— Вот бисово отродье! — вздыхал Фисенко и притирал к земле.

Лишь только утихла стрельба, Фисенко, поглядывая на товарищей, снова пускался в путь, усиленно работая руками и ногами.

— Шоб ты сказился, окаянный! — вырывалось у Фисенко с новым шквалом огня.

Становилось как будто тихо.

— А ну, двинулись, хлопцы! — полагая, что хлопцы его слышат, шептал Фисенко.

Бурухин, Крылов и Замошкин, как только утихла немного стрельба, сами спешили к намеченной цели.

— С такими ребятами не пропадешь! — с одобрением восклицал Фисенко и ящерицей скользил между бугорков и кустиков.

Фисенко первый добрался до командира, быстро наложил ему повязку.

— Пошли до дому! — улыбнулся Фисенко подоспевшей на помощь тройке.

Санитар на поле боя.

И снова отважные санитары, теперь уж с драгоценной ношей, то осторожно ползли по земле, то замирали, сливаясь с окружающей местностью. Наконец они выбрались из зоны обстрела. Вскоре раненый командир был доставлен на носилках на медицинский пункт.

В этот день нашего наступления санитары Фисенко, Бурхин, Крылов и Замошкин вынесли с поля боя двадцать восемь раненых с их оружием.

При наступлении у м. Минорекина был ранен младший лейтенант Кулыгин. Противник все время держал местность под сильным огнем. Жизнь командира была в опасности. Нельзя было терять ни минуты. Искусно маскируясь, Фисенко вместе с Крыловым незаметно для врага подполз к младшему лейтенанту. Кулыгин лежал без сознания, тяжело раненный в грудь. Заботливо перевязав раненого, Фисенко с помощью Крылова, используя складки местности, осторожно вынес спасенного командира в безопасное место.

Так мужественно работает на полях Великой отечественной войны отважный санитар Фисенко. О его работе знает каждый боец, каждый командир и политработник.

Он — любимец своей части.

Послужим с честью матери-родине

С ночи шла сильная артиллерийская подготовка. Наши части готовились к контратаке. Бойцы Н-ской роты, преодолевая трудности, шли в ночной темноте, цепляясь за кустарники, пробираясь через лесную чащу к исходной позиции, откуда должно было начаться наступление.

Среди бойцов был санитар Салихов. Жизнерадостный, смуглый, крепкий, он ни на шаг не отставал от своих боевых товарищей. Татарин Салихов бок о бок с русскими, украинцами, евреями, грузинами защищал священную советскую землю. У него не было винтовки, он не уничтожал врага штыком и пулей, но он так же, как и бойцы, не

страшась огня противника, выполнял свою скромную, но почетную работу.

Он знал, что многие из спасенных им бойцов возвращаются в строй, и гордился тем, что и он вносит свой вклад в грядущую победу над ненавистным врагом.

Салихов шел вместе с бойцами, готовый каждую минуту оказать помощь тому, кто будет ранен. То здесь, то там рвались снаряды. Смертоносные пулеметные очереди засыпали горячим свинцом поле; не умолкая, стреляли фашистские минометы. Салихов увидел, как упал боец. Через минуту санитар был уже подле него. Раненый протяжно стонал. Сильное кровотечение из бедренной артерии с каждой секундой ухудшало его состояние. Медлить нельзя, нужно остановить кровотечение, оттащить раненого в укрытие, защитить его от вражеского огня. Салихов быстро стал накладывать первичную повязку. В этот момент над полем боя появились фашистские стервятники. Прижав рукой артерию выше места ранения и таким образом временно остановив кровотечение, Салихов лег рядом с бойцом, притворившись мертвым: нужно было ввести в заблуждение фашистских бандитов. Самолеты перешли на бреющий полет. Не найдя ничего «подозрительного» на земле, они, пустив на всякий случай несколько пулеметных очередей, взмыли кверху.

Опасность миновала. Салихов наложил раненому кровоостанавливающий жгут. Теперь можно было не тревожиться за его жизнь. Однако оставалась еще нелегкая работа оттащить раненого в надежное укрытие, чтобы с помощью санитаров-носильщиков эвакуировать его на ближайший медицинский пункт. Это надо было делать как можно скорее, чтобы, с одной стороны, не передержать жгут на ноге более двух часов, а с другой — чтобы помочь другим раненым, с нетерпением ожидавшим появления санитаров.

Бой принимал все более ожесточенный характер. Салихов работал искусно и быстро. К концу дня, когда уже ве-

черело, все раненные на его участке получили помощь. Салихов с удовлетворением и волнующей радостью подумал: «Спасена жизнь двадцати командирам и бойцам».

Так всегда работает санитар Салихов. Когда около Щучье развернулся упорный бой, он ползком подобрался совсем близко к противнику. Рискуя жизнью, перевязывал он здесь раненных и оттаскивал их в укрытие. Особенно трудно было оказать помощь одному раненому. Путь к нему был тяжел и опасен. Местность отлично просматривалась противником и ожесточенно обстреливалась. Трудно было даже поднять голову. Пользуясь лопатой, защищаясь ветками, медленно, но уверенно Салихов продвигался к раненому. В нескольких шагах от него Салихов попал под сосредоточенный огонь. Нужно было изменить направление. Повернув в сторону, Салихов пополз в обход опасного участка. Раненый был совсем рядом. Санитар видел, что он в бессознательном состоянии. Теперь уже никакая опасность не могла остановить Салихова. Он бросился к раненому, быстро оттащил его в укрытие и стал делать ему перевязку. В этот момент Салихова ранило осколком мины. Собрав все силы, он докончил перевязку раненого, наложил сам себе повязку и медленно, держа бойца с его оружием на спине, стал пробираться туда, где по его расчетам должны были находиться санитары-носильщики. Он все более слабел. Он полз с огромным трудом, останавливаясь, чтобы передохнуть, но не сдавался, решив во что бы то ни стало спасти раненого бойца.

Наконец силы оставили его, и он потерял сознание. Обоих раненых подобрали санитары-носильщики.

Придя в себя на медицинском пункте, Салихов попросил врача не отправлять его в госпиталь. Врач даже рассердился.

— Вы с ума сошли! — крикнул он. — Тут хирургическое вмешательство нужно, а он не хочет эвакуироваться. Ведь вы же санитар, должны понимать...

Когда Салихова на носилках положили в санитарный ав-

Прощайте, боевые товарищи!—сказал он им, с трудом приподнявшись
на локте,

томобиль, к нему подошли проститься несколько раненых бойцов, перевязанных им на поле боя...

— Прощайте, боевые товарищи! — сказал он им, с трудом приподнявшись на локте. — Скоро опять буду среди вас. Еще послужим с честью матери-родине. Приказ товарища Сталина я выполнил.

Красноармейцы смотрели на своего боевого товарища санитар молча и с какой-то волнующей грустью.

— Вот парень! — сказал один из них, и голос его неожиданно дрогнул, — тридцать пять раненых спас и оружие их в целости доставил.

Теплой лаской светились глаза провожавших.

Два товарища-санитара

Н-ская стрелковая рота с ночи готовилась к контратаке. На рассвете начался жаркий бой. Перед бойцами была поставлена задача — выбить противника из деревни Околица.

Открытая полянка, прилегающая к деревне, обстреливалась противником с трех сторон. Нужно было незаметно пробраться справа и слева к передовым позициям врага и обрушиться на него внезапной штыковой атакой. Это было связано с большими трудностями — все подступы к деревне хорошо просматривались фашистами. Ряд высот, расположенных вокруг деревни, господствовал над окружающей территорией, и противнику видно было каждое движение на поле боя. Двигаться можно было только ползком. Местами бойцы зарывались в землю. Фашистские автоматчики поливали полянку свинцовым дождем. Непрерывно строчили пулеметы.

Группа бойцов во главе с отважным политруком выделилась из основной массы. Она все ближе и ближе подбиралась к огненным позициям противника. Вскоре на полянке разгорелся ожесточенный бой.

С левого фланга фашистам удалось оттеснить наших слишком выдвинувшихся вперед бойцов. В этот момент

был тяжело ранен политрук, храбро продвигавшийся с небольшой группой бойцов к огневым позициям противника.

Это увидел санитар Рысаков. Немедленно он решил ценой каких угодно усилий спасти жизнь любимого политрука.

Вместе со своим товарищем, санитаром Забора, он стал ползком пробираться к раненому. Не раз храбрые санитары попадали под перекрестный ружейно-пулеметный огонь. Переждав, они двигались снова вперед. Они то ползли вместе, то расходились в разные стороны, стараясь перехитрить врага, помешать ему разгадать их намерения.

Политрук лежал на открытом месте и каждую минуту мог погибнуть от новой вражеской пули. Когда санитары были уже рядом с ним, фашисты усилили огонь. Но это не испугало наших санитаров. Через несколько минут раненый политрук уже был в хорошо защищенном укрытии. Оказав ему здесь необходимую первую помощь, Рысаков и Забора, умело используя кустарник, складки местности, поползли с ним обратно.

За действиями смелых санитаров с волнением наблюдали залегшие в цепи бойцы.

— Жалко, пропадут ребята! — сказал один из них, вкладывая новую обойму. — Не выбраться им..

На некоторое время санитары и политрук выпали из поля зрения красноармейцев.

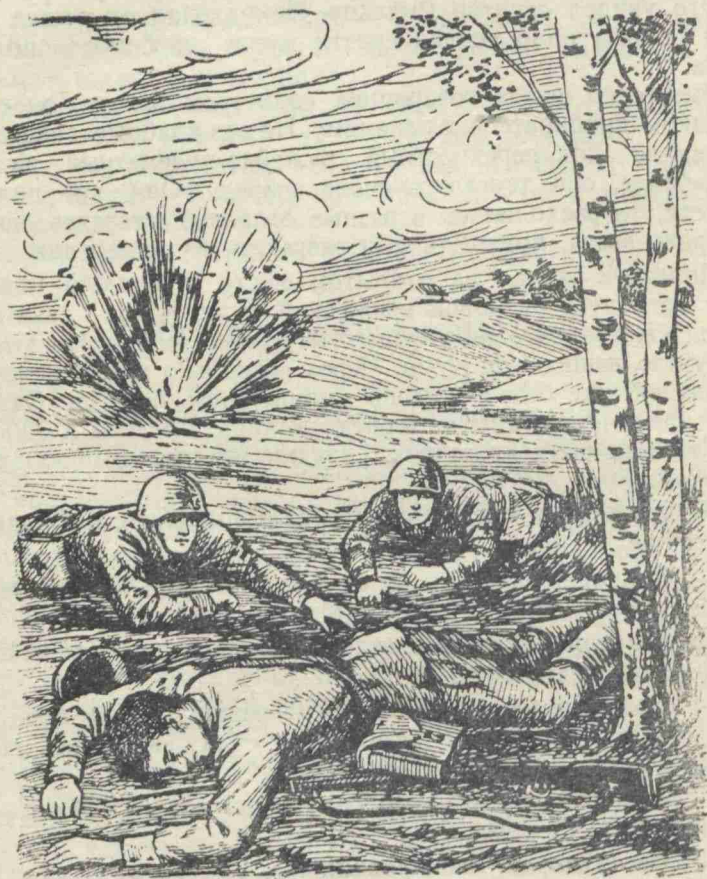
— Ну так и есть!.. Погибли... — решил тот же боец, но как раз в этот момент неожиданно сбоку появились санитары с раненым политруком.

— Молодцы, ребята! — обрадованно крикнул боец. — А я уж думал, не вернетесь.

— Мы — старые маскировщики, — улыбаясь ответил Рысаков. — Всегда обманем фашиста..

В другой раз у местечка Щелелово Забора подозвал к себе Рысакова и, указывая рукой вдаль, сказал:

— Смотри-ка, как раненый..

Два товарища-санитара.

Совсем близко от передовых позиций противника лежал наш боец. Время от времени он шевелился.

— Пошли! — решительно сказал Рысаков, и два товарища-санитара под вражеским огнем поползли вперед. Благополучно добрались они до лежащего на боку бойца. Он был ранен в ногу. Рысаков заботливо перевязал его и стал вместе с Забора оттаскивать раненого за линию огня. В этот момент пуля впиалась в лицо Забора. Рысаков, укрыв раненого бойца, тотчас же стал перевязывать своего боевого товарища. Вторая пуля ранила и Рысакова. Закончив перевязку Забора, Рысаков наложил и себе повязку на рану, к счастью, оказавшуюся нетяжелой. Потом он спокойно продолжал свою боевую работу. И боец, и санитар Забора были спасены мужественным Рысаковым.

Так беззаветно и самоотверженно выполняют свой долг два товарища-санитара Рысаков и Забора.

За одну только боевую операцию они вынесли с поля боя двадцать раненых бойцов с их оружием.

За проволочным заграждением

Н-скому батальону предстояла ожесточенная схватка у местечка Делиха. Задача была сформулирована коротко и просто: выбить немцев из села.

В одном из сараев противник установил пулемет и непрерывно обстреливал нашу пехоту. Свинцовый ливень затруднял движение бойцов. В первую очередь нужно было уничтожить огневую точку.

Несколько бойцов поползло, припадая к земле, почти сливаясь с нею. Неожиданно они выросли перед сараем. Мгновенно были пущены в ход бутылки с горючей жидкостью. Сарай запылал; фашистский огневой пункт был нацело ликвидирован. Наша часть могла наступать без особой помехи.

Однако героический подвиг не прошел для нас даром. Несколько тяжело раненых бойцов осталось на месте. Фа-

шисты с соседнего участка направили сюда огонь. Санитарный взвод батальона получил боевой приказ — сделать все, чтобы спасти раненых, оттащить их из зоны ружейно-пулеметного огня. Группу санитаров возглавлял Лучинов.

Командир санитарного взвода военфельдшер Матюшев наскоро проинструктировал Лучинова и его товарищей:

— Следите за огнем противника, ползите врозь. Оттащите раненых в направлении вот того хутора. Если враг заметит, поверните вправо и укройтесь, видите, вон за теми кустарниками.

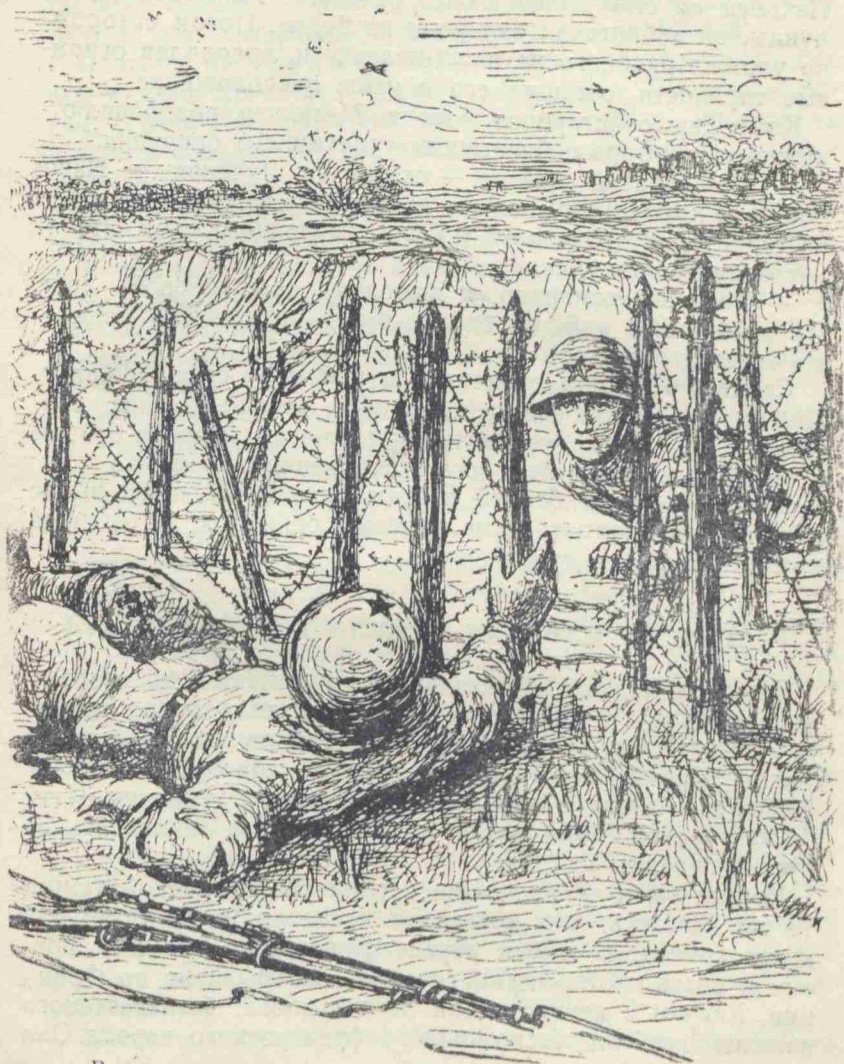
Санитары двинулись вперед. Огонь противника усилился, пули свистели во всех направлениях. По пути оказался овраг, и санитары стремглав скатились на его дно. На какой-то промежуток времени они утратили ориентировку.

— Нужно переждать; укрывайтесь как следует, — говорил Лучинов. — Сейчас установим направление огня и выберем наиболее безопасный путь...

В это время слева заговорили наши пулеметы, залпами стала бить наша артиллерия. Вскоре вражеский огонь начал затихать. Артиллеристы, верно нащупав цель, сделали свое дело.

Пользуясь затишьем, Лучинов и его товарищи быстро достигли раненых, перевязали их и оттащили к хутору. Здесь санитары-носильщики, присланные командиром санитарного взвода, уж ждали раненых, чтобы возможно скорее доставить их на медицинский пункт.

Во время другой боевой операции Лучинов заметил раненого красноармейца за проволочными заграждениями противника. Не раздумывая, санитар молниеносно принял героическое решение — спасти красноармейца. В колючей проволоке нашими бойцами был пробит проход. Теперь он был под сильным обстрелом фашистов. Но это не остановило Лучинова. Упорно проделывая сложный путь, то замедляя, то ускоряя движение, неожиданно бросаясь в сторону, полз он к проволочным заграждениям. В проходе он вскочил и зигзагообразно пробежал его, пригнувшись почти к земле.

В проходе он вскочил и зигзагообразно-пробежал его...

Наконец он смаху упал около раненого. Не медля ни секунды, он забинтовал ему рану на бедре. Потом осторожно уложил раненого на плащ-палатку и, преодолев огромные трудности, оттащил его в наше расположение.

Командир санитарного взвода Матюшев поздравил отважного санитаря с блестящим успехом его операции.

— Вы — боевой санитар, — сказал он Лучинову. — Наши бойцы и командиры следили за каждым вашим движением на территории противника и были мысленно с вами. Это — настоящий подвиг.

— Товарищ командир, я выполнил свой боевой долг. На моем месте каждый сделал бы то же самое, — скромно ответил Лучинов.

Санитар Лучинов отличился и в боях у села Шишино. Под руководством своего командира, военфельдшера Матюшева, он оказал первую помощь многим раненым бойцам и оттащил их в укрытие из расположения противника.

За время своей боевой работы санитар Лучинов вынес с поля боя двадцать семь раненых бойцов и командиров с их оружием и снаряжением.

У него за плечами немало геройских дел

Батальон получил приказ выбить противника из населенного пункта Л. Стояла темная дождливая ночь. Командир Н-ской роты осторожно вел бойцов на выполнение боевой задачи. Бесшумно и скрытно сближались наши бойцы-пехотинцы с передовыми линиями противника. Итти было трудно. Люди вязли в липкой грязи, цеплялись за кусты, падали.

Немцы были на чеку. Они нервничали. В ночной темноте им казалось, что в каждом кусте сидит партизан или красноармеец. В нашей стране фашистские громилы привыкли спать с открытыми глазами: они были не во Франции. Канули в вечность дни легких побед, безнаказанного насилия, грабежа беспомощного французского народа. Они

были на суровых полях Страны советов. В каждом ночном шорохе им слышалось приближение наших частей.

Поэтому не успел еще наш батальон развернуться, как ему с хода пришлось принять удар врага. Ружейным огнем, гранатами, штыками бойцы вынудили противника оставить занимаемые им позиции. Закипели бои на улицах городка...

Вместе с нашими бойцами неотступно двигался и санитарный инструктор Афанасьев. Это — храбрый, мужественный человек. У него за плечами немало героических дел.

— Оттащите раненого вон за тот домик, — давал он указание ротным санитарам. — Передайте там его санитарам-носильщикам. Предупредите их, что раненый нуждается в немедленной доставке на медицинский пункт.

Переползая от одного раненого к другому, Афанасьев накладывал повязки, останавливал жгутом кровотечение, помогал раненым выбраться в укрытое место.

Немцы отчаянно сопротивлялись. Они укрывались в домах и непрерывно стреляли оттуда из винтовок и автоматов. Пули сыпались со всех сторон — слева, справа, сверху. Это характерно для уличного боя.

Афанасьев впервые попал в такую обстановку. Он умел искусно маскироваться на поле и выносить раненых под огнем противника. Но здесь, на улицах, ему пришлось сразу же переменить тактику.

Прежде всего нужно было укрыться в каком-либо месте и определить огневые точки врага. После этого можно оттащить раненых ближе к стенам домов, сараев и, передвигаясь ползком вдоль стены, вынести их в безопасное место. Так он и делал, по одному оттаскивая раненых с улиц, с перекрестков и укрывая их в надежном месте. Много раз Афанасьев попадал под огонь, но отделялся благополучно. Фашистская пуля сверху прошла по его шинели. Афанасьев только встряхнулся и продолжал работать.

Фашисты стреляли беспорядочно. С яростью обреченных

они охотились не только за санитарями, они убивали беззащитных раненых, мирных граждан, детей — всех, кто появлялся на улице.

Под натиском наших бойцов немцы очистили городок и, окопавшись за ним, открыли бешеную стрельбу по нашим цепям.

Под огнем противника оказались и «гнезда раненых».

Афанасьев заметил это. Он подполз к одному из ближайших командиров отделения.

— Нужно огнем прикрыть вынос раненых, — быстро сказал он. — Без этого трудно будет оттащить их в новые укрытия.

Командир утвердительно кивнул головой.

— Посмотри, — угрюмо сказал он. — Ведь это был раненый.

Афанасьев взглянул по указанному направлению и с содроганием увидел обезображенный труп красноармейца.

— Теперь погляди вон туда, — сурово продолжал командир отделения, — и скажи мне, можно ли терпеть на земле такую мерзость, как фашисты!

Перед Афанасьевым лежало тело истерзанной двенадцатилетней девочки. В нескольких шагах от нее распласталась мать с грудным ребенком. Ребенок был изрублен. На голом теле женщины виднелось много ножевых и штыковых ран...

— Истреблять, истреблять гадов, как бешеных собак, — побледневшими губами прошептал Афанасьев.

— Собакам — собачья смерть, — отозвался лежавший рядом боец.

Командир отделения блестяще выполнил задачу, поставленную перед ним Афанасьевым. Все раненые под прикрытием ураганного огня наших бойцов были благополучно переправлены в новые хорошо защищенные «гнезда», откуда их скоро эвакуировали на медицинский пункт.

Укрепившись на новых позициях, противник все еще

продолжал держать под огнем нашу пехоту, затрудняя движение бойцов.

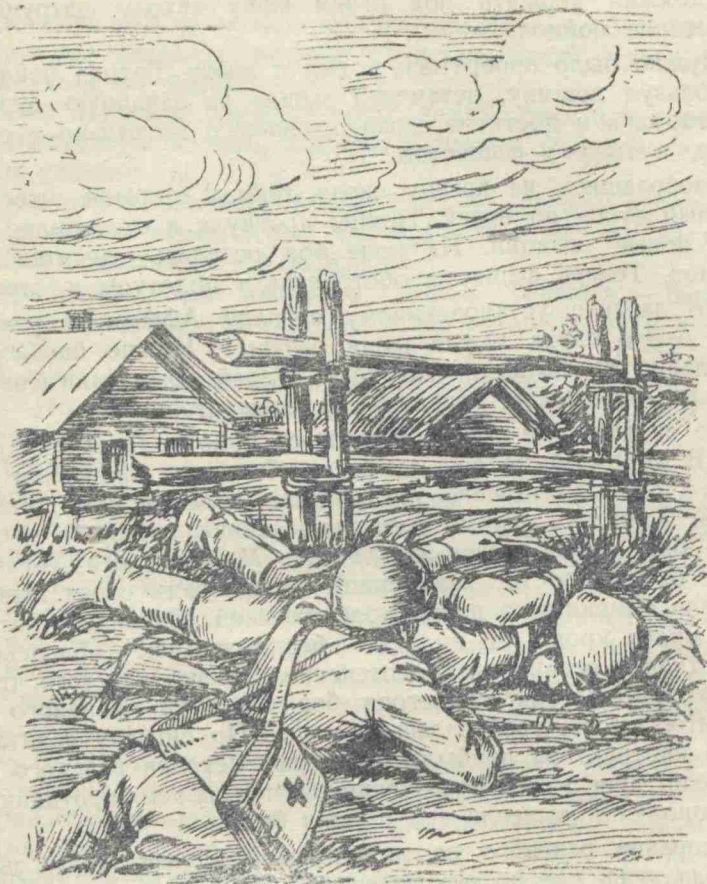
Нужно было пробраться в тыл к врагу. Группа бойцов, используя лошину, незаметно вышла на западную окраину городка и достигла сарая, стоявшего несколько в стороне, в тылу у фашистов.

Взобравшись на крышу сарая, бойцы открыли ожесточенный огонь по врагу. Немцы дрогнули и отступили, заняв новые позиции. На поле боя остались десятки их трупов. Теперь фашисты обстреливали подступы к сараю.

По заранее установленному сигналу Афанасьев узнал, что около сарая лежат наши раненые. Нужно было немедленно их вынести. Но как? Сарай был в огненном кольце — фашисты стреляли со всех сторон.

Не считаясь ни с чем, Афанасьев пополз. Полз он долго. В одном месте его заметили. Фашисты направили на отважного санитарного инструктора перекрестный огонь. Пули ложились рядом, взрывали землю, поднимая пыль. Это был самый опасный участок. Миновав его, Афанасьев быстро достиг намеченной цели. Сзади сарая лежал тяжело раненный в плечо красноармеец. Очевидно, потеряв много крови, он впал в беспамятство. Афанасьев немедленно остановил кровотечение. Однако для того, чтобы юттащить находившегося без сознания раненого в укрытое место, требовалась помощь. По сигналу санитарного инструктора прибыли санитары. Устроив раненого на шинели, они под непрерывавшимся огнем противника благополучно вынесли его с поля боя.

Отправив раненого на медицинский пункт, Афанасьев пополз туда, где по его указаниям работали ротные санитары. Хотя удар наших бойцов с тыла и нанес большой урон врагу, но все же враг еще держал кое-какие пути под обстрелом. Не считаясь с этим, ротные санитары, под умелым руководством своего командира Афанасьева, блестяще справились со своей боевой задачей. Они вынесли

Переползая от одного раненого к другому, Афанасьев
накладывал повязки...

с поля боя всех раненых бойцов и командиров с их оружием.

Санитарный инструктор Афанасьев зарекомендовал себя как блестящий медицинский работник.

В деревне Н. завязался ночной упорный бой. Сосредоточенный огонь фашистов не давал возможности продвигаться вперед. Несколько бойцов перебежками и ползком скрытно приблизились к избе, где был установлен фашистский пулемет. Бутылки с горючей смесью сделали свое дело: ни один из гитлеровских головорезов не уцелел. Но в это время с флангов стали напирать превосходящие силы врага. Нужно было несколько отойти, чтобы дать противнику развернуться, нащупать его силы и, когда подойдут наши подкрепления, ударить по наиболее слабым его участкам.

В этой схватке несколько раненых бойцов было отрезано от наших частей и оказалось в расположении противника. Пламя догоравшей избы освещало окружающую местность. Каждый куст, каждый камень были как на ладони. Но Афанасьев поставил перед своими санитарями боевую задачу — во что бы то ни стало спасти жизнь наших бойцов. И задача была выполнена. Под пулеметным и минометным огнем, рискуя попасть в руки врага, санитары под руководством своего храброго командира вынесли всех раненых и оказали им первую помощь.

„Я очень прошу — пошлите меня на передовые позиции“

В небольшом украинском прифронтовом городе люди работали дни и ночи. В городе чувствовалась напряженная фронтовая обстановка, вся жизнь в нем была подчинена интересам фронта. Город был на-чеку.

— Все для фронта! Все для победы над врагом! — таков был лозунг советских людей.

Женщины становились на боевые посты уходивших на фронт мужей, отцов и братьев.

Городской комсомольский клуб стал боевым штабом. Здесь происходили совещания, сборы, коллективные чтения, формировались комсомольские бригады для фабрик и заводов, для помощи ближайшим колхозам. До поздней ночи в клубе было оживленно. Комсомольцы изучали пулемет, винтовку, гранату. Молодежные отряды совершали походы, проводили учения.

Темная, холодная ночь. На подступах к городу небольшие вооруженные группы. Это — патрули из ополченцев. В их рядах много комсомольцев.

Город, как и вся великая советская страна, живет интересами фронта. Он полон отзвуками героических боев славной Красной армии с подлыми захватчиками. Все помыслы его граждан устремлены на то, чтобы помочь разгрому врага и уничтожить наглых оккупантов.

В этом городе выросла Мария Панченко. Ей шестнадцать лет. Она комсомолка, всей душой преданная великой партии Ленина — Сталина, проникнутая горячей любовью к своей стране, своему народу. С того самого момента, когда озверелые орды фашистов вторглись в священные пределы советской земли, она стала жить одной мыслью — быть на фронте, делить с доблестными защитниками родины их славную судьбу, их горе и радости, боевые успехи и неудачи.

Много препятствий стояло на пути осуществления этой заветной мечты Марии Панченко. И прежде всего — ее возраст, отсутствие нужной фронту квалификации.

Настойчивость и горячее желание побороли все препятствия. Мария окончила на круглое «отлично» курсы санитарных дружинниц Красного креста и добилась назначения на фронт.

С волнением, страдая от мысли, что огорчит любимую мать, она сообщила ей о своем отъезде в действующую армию. Мужественная женщина нашла в себе силы не

только не показать своей печали по поводу разлуки, но и напутствовать дочь ободряющими словами, достойными советской патриотки. Это было большим облегчением для Марии.

И вот Мария уже в автомашине. Приветствия, речи, теплые объятия, невольные слезы — все это позади. Теперь — веселые улыбки едущих вместе подруг, строгая военная форма, новая, полная большого смысла и значения жизнь...

Машина остановилась в лесу. Навстречу шел начальник дивизионного медицинского пункта военврач 3-го ранга Васильченко.

— Товарищ командир, сандружинницы города Н. в составе двенадцати человек прибыли в ваше распоряжение, — отрапортовала старшая команды Иванова.

Одна за другой девушки выскочили из машины и направились за врачом в небольшую палатку, расположенную в густой чаще леса.

Артиллерийский огонь, шум танков, пулеметные очереди отчетливо были слышны отсюда. Раненые на санитарных двуколках, на носилках, идущие пешком по лесным тропкам, сразу ввели девушек в деловую обстановку их будущей боевой работы.

Вскоре все прибывшие сандружинницы получили назначение и ушли из палатки. Мария осталась одна.

— Панченко Мария, вы как самая младшая останетесь при дивизионном медицинском пункте, — сказал Васильченко.

Мария покраснела до слез.

— Я очень прошу, пошлите меня на передовые позиции, — умоляющим голосом попросила она.

— Мы вас обязательно пошлем, но пока помогите нам здесь. Нам и здесь нужны крепкие и знающие люди, — ласково возразил ей врач и повел знакомить ее с новыми обязанностями.

Мария была назначена в палатку для тяжело раненых.

Помня обещание врача, она всей душой отдалась порученной ей работе. Она бережно укрывала раненых, помогала выносить их из палатки и укладывать на санитарные машины. Дни и ночи просиживала она в палатке, поила, кормила, успокаивала больных. На медицинском пункте раненые недолго оставались, их вскоре эвакуировали в тыл, но Марию Панченко они крепко запомнили; они уезжали, благодарно унося с собой образ милой советской девушки, трогательно старавшейся облегчить их страдания.

Однажды холодным утром в палатку быстрыми шагами вошел военврач Васильченко.

— Товарищ Панченко! Приготовьте санитарную сумку с перевязочным материалом. Поедете со мной.

Мария мгновенно снарядилась в путь. Она знала, что едет туда, где происходит сейчас бой.

Машина остановилась на опушке леса. Дальше расстилалась местность, обстреливаемая неприятелем. Васильченко с Марией ползком, короткими перебежками двигались к передовым окопам. Невдалеке рвались снаряды, строчили пулеметы. Наши части, отбив атаку врага, теснили его.

Перед тем как оставить Марию в одной из рот Н-ского полка, Васильченко дал ей последние конкретные указания.

— На поле боя, — говорил он, — нужно двигаться только ползком. Ни в коем случае не поднимайте головы во время сильного обстрела. Раненого нужно всячески укрывать от огня противника, для этого надо использовать складки местности.

Мария Панченко осталась одна. Теперь она почувствовала всю ответственность своего положения. Она одна должна самостоятельно решать все вопросы, связанные с ее работой в боевой обстановке. От ее умения и храбрости будет зависеть жизнь раненого.

Это сознание большой ответственности подавляло воз-

никавшее временами чувство страха. Мария неотступно следовала за бойцами, стараясь не упускать из вида ни одного раненого.

Когда Мария выбралась к небольшому кусту, появился фашистский самолет. Невдалеке от девушки полз санитар с раненым. Белые повязки на голове и на ноге раненого резко выделялись на фоне зеленого поля. Фашистский бандит не мог не видеть этого. Он снизился, и три короткие пулеметные очереди сразили насмерть и санитаря, и раненого.

Мария закрыла глаза. Горячая кровь прихлынула к сердцу. Дрожь ужаса и негодования прошла по телу.

Мстить, мстить проклятым убийцам! И не давать им ни одной лишней жертвы. Спасти как можно больше советских драгоценных жизней!

Со всех сторон бойцы стреляли по самолету. Он быстро набирал высоту. Но вот самолет дрогнул, накренился и стремглав полетел вниз; меткая советская пуля покарала бандита.

Мария облегченно вздохнула.

В этот момент в нескольких шагах от нее разорвался снаряд. Ее засыпало землей. Оглушенная, испуганная, она медленно поднялась, потрогала голову; болело в боку, но раны нигде не было, кости целы. «Контужена», подумала девушка и поползла дальше.

Впереди виднелось небольшое возвышение. Оно затрудняло наблюдение за полем боя, за движением наших бойцов. А они ползком, перебежками, шаг за шагом приближались к огненным позициям противника. Их продвижение поддерживалось мощным огнем нашей артиллерии.

Мария потеряла ориентировку; она не видела, куда движутся бойцы. Разорвавшийся снаряд временно как бы вывел девушку из строя. Она отстала от своих...

Чувство одиночества, заброшенности охватило Марию. Она отчетливо слышала ураганный ружейно-пулеметный огонь противника, разрывы снарядов, шум авиамоторов —

все, что раньше сливалось в мощный гул, не тревоживший ее, казавшийся ей посторонним. Она вдруг подумала, что никогда уже не догонит своих.

Собрав все свои силы, девушка доползла до возвышения.

Как быть дальше? Двигаться прямо нельзя — враг следит за каждым движением. Нужно обходить. Но не успела Мария проползти и пяти метров, как ее снова засыпало землей от разорвавшегося недалеко снаряда. На этот раз девушка быстро опомнилась, но совершенно уже сбилась с пути. Все же нужно что-то предпринять. Остаться на одном месте опасно. Вражеская артиллерия усилила огонь. Мария решила во что бы то ни стало выбраться на другую сторону возвышения: оттуда должно быть все видно.

Когда она переползла через высотку, мимо прошла пулеметная очередь. Прижавшись к земле, Мария пытливо смотрела вперед, стараясь разобраться в обстановке. Вскоре она заметила разбросанные по полю группы людей — слева, справа, впереди. Кто они? Наши или враги? У девушки мелькнула мысль, что она в окружении. Значит, двигаться нельзя; нужно сперва узнать, что это за люди. Устроившись поудобнее у небольшого куста, Мария стала внимательно наблюдать за каждым движением на поле боя. Вот еще одна группа, еще и еще. Через некоторое время послышалось громкое «ура». Теперь уже не могло быть сомнения: наши бойцы шли в штыковую атаку. Мария даже рассмеялась тихонько. Теперь можно ползти спокойно.

В двенадцати шагах был кустарник. Она держала путь туда. Стрельба не умолкала. Пули свистели вокруг. Внезапно девушка почувствовала толчок в бок. Ранена? Нет, нигде не больно. Она провела рукой по боку, наткнулась на санитарную сумку, осмотрела ее. В сумке виднелись две дырочки — след вражеской пули.

За этот первый в жизни день самостоятельной работы

Собрав все свои силы, девушка доползла до возвышения...

на поле боя Мария пережила многое и многому научилась. На личном опыте она поняла теперь, что такое маскировка, проверила свое умение ползти, научилась ориентироваться в обстановке...

Переползая от одного куста к другому, Мария услышала тихий стон. Она прислушалась и поползла по направлению звука. Вскоре она обнаружила раненого. Он лежал лицом книзу и делал какие-то движения правой рукой. Мария догадалась, что он пытается достать свой индивидуальный пакет. Он был тяжело ранен в правую руку и левую ногу и истекал кровью. Особенно сильно было кровотечение из раны на левой ноге. Быстро достав из сумки перевязочный пакет, Мария наложила повязку на ногу, перевязала рану и на правой руке. Боец все время тихо стонал. Девушке казалось, что он в безнадежном состоянии. Рядом с ним была большая лужа крови. Осторожно девушка повернула раненого на спину. На мгновение он открыл глаза.

— Вам больно? — жалобно и неожиданно для себя спросила Мария, и тотчас же ей стало стыдно за свой вопрос.

Раненый снова приоткрыл глаза. Теперь он смотрел на девушку. На бледном его лице появилось что-то похожее на улыбку, и он слабо произнес:

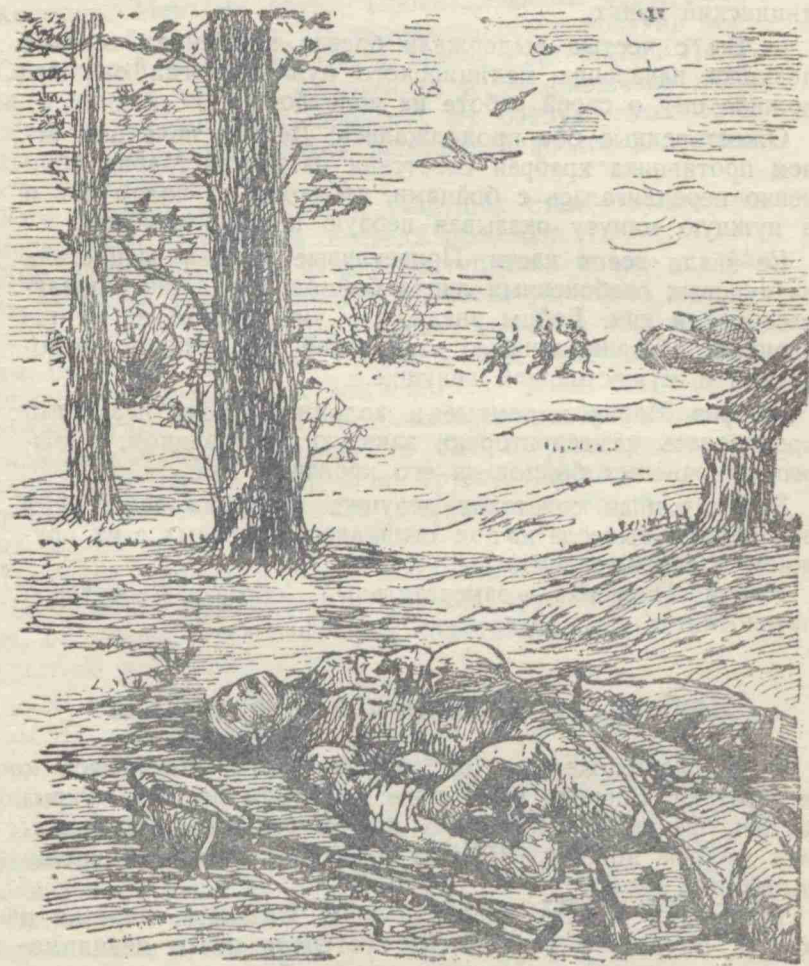
— Спасибо...

Марии сразу стало легко. Но медлить было нельзя. Нужно тотчас же вынести раненого отсюда. Пристроив его у себя на спине и взяв в правую руку винтовку бойца, она поползла.

Ползти нужно было долго. Когда она приблизилась к тому возвышению, где была недавно, ей на помощь пришли санитары-носильщики.

Вручив им раненого, отважная санитарка опять двинулась вперед, — туда, где наши бойцы упорно, настойчиво теснили врага...

Когда боевая операция была закончена, Мария, смер-

Мария наложила повязку на ногу, перевязала рану и на правой руке.

тельно усталая, но счастливая, вернулась на полковой медицинский пункт.

— Вы с честью выдержали боевое крещение, — сказал девушке начальник медицинского пункта, когда она доложила ему о своей работе на поле боя...

Ожесточенные бои продолжались. День и ночь под огнем противника храбрая советская патриотка Мария Панченко передвигалась с бойцами, наблюдая за полем боя и в нужную минуту оказывая первую помощь раненым.

Ее знали все в части. Приветливые улыбки расцветали на суровых озабоченных лицах бойцов, когда она появлялась среди них. Бойцы знали, что уже многие из их товарищей обязаны жизнью этой юной, но крепкой, выносливой и мужественной девушке.

Не раз Мария в темные и холодные ночи незаметно пробиралась на территорию, занятую противником, и вытаскивала раненых бойцов из его кровавых лап.

Эта скромная советская девушка за время своей боевой работы вынесла из-под огня двести раненых с их оружием и снаряжением.

Мария Панченко — замечательный образец советской патриотки.

Любовь, заслуженная в бою, сильна

Рота, расположенная на опушке леса, готовилась к контратаке. Впереди было поле, а за ним лес, где укрывались фашисты. Незаметно подкралась ночь. Накрапывал мелкий дождик. Завывая, срывался холодный пронизывающий ветер.

Временами в лесу возникал шум. Казалось, деревья и кусты, с треском раздвигаясь, уступали место невидимому великану. Это прокладывали себе дорогу снаряды. Стреляли наши и враги.

Холодно. Мерзлый грунт. Пронизывающий ветер. Бойцы, боясь обморозиться, переворачивались с боку на бок.

Санитарный инструктор роты Павел Григорьевич Подушек в ночной темноте пробирался в расположение взводов, находил санитаров, проверял их боевую готовность, указывал пути оттаскивания раненых, наиболее надежные места укрытия.

Уже забрезжил рассвет, и Подушек стал внимательно вглядываться в лежащее впереди поле боя.

Ему нужно было до начала наступления точно установить наиболее удобные подступы, места укрытия.

— Вон видишь отдельные кусты, во-он за тем небольшим бугорком? Удобное укрытие для раненых, — говорил он, пристроившись к лежащему на земле санитару. — Можно будет, пожалуй, использовать и эту ложинку. Посмотрим в ходе боя — лишь бы не простреливалась противником. А то найдем и другие. Главное — нужно стараться быстрее оттащить раненого в укрытие, а там уже можно и повязку наложить.

Подушек пополз дальше, продолжая присматриваться к местности. Добравшись до участка другого подразделения, он увидел двух санитаров, переговаривающихся между собой, и подполз к ним.

— О чем речь, други? — спросил он.

— Да вот обсуждаем, товарищ санитарный инструктор, — отозвался недавно прибывший в роту санитар, — можно ли нам нести раненого до медицинского пункта.

— Ваша задача как ротных санитаров оказать первую помощь раненому и как можно быстрее оттащить его с поля боя в укрытие. Дальнейшая эвакуация с ротного участка на медицинский пункт это уже задача санитаров-носильщиков. Ваше дело указать санитарам-носильщикам места укрытия раненых, ознакомить их с наиболее безопасными путями для переноски раненых. В каком-нибудь исключительном случае ротный санитар может вынести

раненого до медицинского пункта, — и то только с разрешения командира санитарного отделения...

— Не-ет, — продолжал Подушек, — уходить далеко с поля боя ротному санитару нельзя. Он должен быть всегда на своем посту, наблюдать непрерывно за полем боя, запоминать место, где упал раненый, быстро, невзирая на огонь противника, подползти к раненому и, оказав ему первую помощь, оттащить его в укрытие.

— Наблюдать за противником. Это — большое дело. Фашист — подлюга; он хитер, коварен. Он охотится за нами, санитарями, старается помешать нашей работе, не дать нам спасти жизнь нашим раненым героям. Вот и нужно уметь перехитрить его, мерзавца. Если он увидел тебя на поле боя, старайся так изменить направление, чтобы ему это было незаметно. Если попал под огонь, прежде, — всякое твое движение ему только на-руку: лучше разглядит и тебя, и раненого. А главное — не пугайся никакой опасности, презирай смерть. Ради такого святого дела, какое мы выполняем, на все можно пойти...

Подушек воодушевился, хотел сказать все, что в этот миг вскипело в сердце, но тишина занимающегося утра вдруг раскололась могучим ударом. Гулко прокатился залп нашей батареи. За ним — другой, третий. Артиллеристы били наверняка по фашистским огненным точкам...

Рота пошла в атаку. Поле ожило, зашевелилось.

Вот и первые раненые. Комочками разбросались по полю ползущие к ним санитары. Подушек видит, как они оттаскивают раненых в укрытия. Все в порядке. Санитары-носильщики, пользуясь складками местности, перебежками и ползком спешат туда, где ротные санитары укрывают раненых. Подушек доволен: его постоянные беседы, наставления санитарам дают свои плоды. Все в порядке.

Подушек увидел, как невдалеке от передовой линии противника ранило двух бойцов. Фашисты били по этому участку из автоматов. Не было никакой возможности подойти к раненым.

Подушек тронул за плечо лежавшего рядом с ним санитаря.

— Вон за деревом двое раненых. Нужно во что бы то ни стало их спасти. Следуйте за мной...

Он сорвался и побежал. Потом внезапно упал и пополз. В одном месте под сильным вражеским огнем, распластавшись, он лежал на земле, точно мертвый. Санитары повторяли все его движения. Наконец они приблизились к раненым настолько, что уже ясно видели их. Но дальше двигаться было невозможно: участок был на виду и немецкий пулемет проводил по нему огненные строчки. В этот момент впереди ухнул разрыв. Фашистский пулемет сразу же замолк.

— Молодцы, орлята! — весело сказал Подушек, кивнув головой в сторону наших артиллеристов.

— Теперь, пожалуй, можно и побыстрее двигаться, — подхватил один из санитаров.

Быстро оказав первую помощь раненым бойцам, Подушек и санитары благополучно оттащили их в укрытое место.

— Теперь нужно поскорее отправить их на медицинский пункт, — сказал Подушек. — Вот у этого товарища ранение тяжелое... Вы побудьте здесь, а я сейчас же пришлю санитаров-носильщиков.

В это время Подушек увидел слева санитаров-носильщиков.

— Сюда, сюда, товарищи! — позвал их Подушек.

Передав им раненых, Подушек вместе с двумя санитарями пополз туда, где разгорался ожесточенный бой.

— Смотрите только — маскироваться как можно лучше, — предупредил он санитаров.

Пролетали, взывая, мины и рвались неподалеку. Неумолчно трещали пулеметы. Назойливо свистели пули. Санитары со своим отважным инструктором ползли вперед. Они слышали стон. Прислонившись к дереву, лежал раненный в голову красноармеец.

— Живо! — крикнул Подушек, — окажите ему первую помощь и оттащите вон за тот бугорок. Потом ползите за мной вот в этом направлении.

Указав рукой направление, он снова пополз туда, где — он знал, — требовалась немедленная помощь.

Поставленная Н-ской части задача была разрешена. Фашисты в беспорядке бежали. Вечерело. Бойцы, расположившись на новом рубеже, ждали приказа. Подушек обсуждал с санитарями боевую работу, отмечал наиболее отважных, указывал на замеченные им недостатки.

— В следующий раз сделаем лучше, — говорил он, подбадривая санитаров.

Так санитарный инструктор Подушек работает на поле боя. Он воспитывает в своих санитарях мужество, стойкость, непоколебимую волю к выполнению во что бы то ни стало своего долга. Санитары любят его и охотно под его руководством делают свое нужное и почетное дело...

Его любят и бойцы, на глазах которых проходит его самоотверженная работа. Любовь, заслуженная в бою, сильна; она никогда и нигде не забывается.

Верный сын родины, санитарный инструктор Подушек с первых дней великой отечественной войны работает на передовых позициях. Много драгоценных родине жизней спас он и сам лично, и руководя санитарями своей части.

— Нам дорога жизнь каждого советского воина, — говорит он, — защитника нашей свободы, нашего счастья. Не отдадим же гитлеровским людоедам ни одной лишней жертвы!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Приказ Сталина	3
Здесь товарищ Сталин написал о нас, о санитарях	4
Жизнь комиссара спасена	9
Большевик Михалько	13
Его знает каждый боец, командир и политработник	14
Послужим с честью матери-родине	18
Два товарища-санитара	22
За проволочным заграждением	25
У него за плечами немало геройских дел	28
„Я очень прошу — пошлите меня на передовые позиции“	33
Любовь, заслуженная в бою, сильна	42

Редактор В. И. Зеленский

Подписано к печати 16, II 1942 г.
Л6840. Печ. л. 1^{1/2}. Авт. л. 2,4
Знаков в 1 печ. л. 64 000

Тип. „Красное знамя“, Москва,
Сушевская, 21. Зак. 275

Цена 50 к.

Цена 50 коп.